

Е. ДИОРДИЕВ:

«МОЯ ГЛАВНАЯ РОЛЬ— ВПЕРЕДИ»

редко становится непреодолимым недостатком в нашей работе — выработав целый ряд приемов, зная, что они эффективны и пользуются успехом у зрителей, актер сам себя изолирует от подлинного творчества, останавливается в своем развитии. Собственно, это уже и не актер, а профессионал (в худшем смысле слова), ремесленник. Представьте: если зритель вместо короля Лира, Опискина, Булычова видит на сцене меня, я как художник не состоялся. Когда я работаю над ролью, меня меньше всего волнует яркость зрелища, внешнее сходство с героем, краски. Я должен раскрыть человеческий дух, а для этого нужно проникнуть в глубины его психологии. В том-то и беда, что трагедию Лира нельзя играть, ей надо жить, и не только во время спектакля. Как говорится, актер должен «заболеть» ролью и не спать от нее по ночам. Тогда, я уверен, не будет обмана. В этом трудное. В этом и высочайшее наслаждение творчеством.

В каждой роли быть другим, особым, не повторять приемы, отработанные на репетициях, а как бы заново, на глазах у зрителя создавать образ, творить — вот моя сверхзадача. Достигается это упорной работой, анализом жизненных явлений.

...Мы, зрители, давно уже создали в воображении своего Лира. Работая над этой ролью, Диордиев прекрасно понимал ответственность, которую возлагает на себя. Знал и то, что зритель не простит неудачи. Он упорно и настойчиво изучал шекспировскую эпоху, вновь и вновь перечитывал шедевры его драматургии, до седьмого пота работал на репетициях. Ему удалось донести до зрителей человечность шекспировского героя, его страдания, боль, горечь обманутых надежд и радость возвращения к жизни.

Порой трудно понять, что больше импонирует Диордиеву: в нем прекрасно уживаются масштабность актера и режиссерский поиск этой масштабности. Евгений Яковлевич по-настоящему, без остатка, влюблен в театр. Он с увлечением ставит спектакли и с меньшим увлечением играет в них самые разнообразные роли. Его ранние режиссерские работы, такие как «Палата», инсценировка романа Д. Павловой «Совесть» и более поздние «Егор Булычов», «Чти отца своего» и другие отличаются прежде всего современностью звучания, актуальностью затронутых проблем, силой режиссерского и актерского убеждения. Приступая к сценическому воплощению пьесы итальянского драматурга Д. Паоло Каллегари «Опаленные жизнью», Евгений Яковлевич завязывает дружескую переписку с автором, пытается глубже и правдивее обнажить сущность современного капиталистического общества.

После премьеры в одном из римских прогрессивных журналов отмечалось, что «сенатор Диордиев» сумел заострить внимание зрителей на одной из важнейших проблем — моральной ответственности толстосумов за молодое поколение, вынужденного в условиях капиталистической действительности продавать себя, чтобы хоть как-то заработать кусок хлеба.

— Сегодня перед актером, режиссером, драматургом, — говорит Евгений Яковлевич, — стоит важнейшая задача: воспитать, увлечь за собой зрителя. Задача тем более трудная, что современный театр переживает определенные трудно-

сти. Давно наболело: с каждым годом мы теряем зрителя. В чем дело? Может, мы стали играть хуже? Или зритель разлюбил нас? В том-то и дело, что нет. Причина, видимо, глубже: не поддается ли театр развлекательной тенденции, не стала ли пища, которую мы предлагаем подчас молодежи, образно говоря, постной. Да, здесь есть над чем подумать...

— Евгений Яковлевич, есть ли у вас роль, о которой вы мечтаете!

— Я очень хочу создать на сцене образ простого советского труженика, человека незаурядной мысли, деятельного, энергичного. Его жизнь — это горение, преданность идее, внутренняя убежденность в правоте своего дела. Это человек, которому нельзя не верить, который не ищет легких дорог, идет трудным путем поиска, поражений и побед.

Надо сказать, что я еще не испытал полного творческого удовлетворения. Мне всегда казалось: что-то упущено, сделано не так. Критики, например, высоко оценили одну из последних моих работ — роль Фомы Опискина в спектакле «Село Степанчиково и его обитатели». Может быть, и приятно, когда тебя хвалят, но почитать на лаврах успеха я не собираюсь. Признание заслуг ко многому обязывает. Это вексель, которым ты всю жизнь должен расплачиваться перед народом, поднимая твое искусство на высшую ступень признания. Успокоиться — значит обмануть людей, которые тебе поверили. Вот почему я не собираюсь пока подводить итоги, задумываться о том, что достигнуто, а что нет. Для меня это значит остановиться, сказать себе, что ты не способен на большее. Не хочу показаться нескромным, но я уверен: главная роль — впереди.

— Над чем вы сейчас работаете!

— Моя новая роль — царь Эдип. Если смогу хотя бы частично справиться с ней, буду очень рад.

— Что бы вы хотели пожелать своим коллегам!

— Я всегда мечтал о театре единомышленников, о друзьях, которые тебя понимают и помогают. Я бы хотел, чтобы каждый и до конца осознал ту ответственность, которая возложена на нас: сделать театр настоящей трибуной жизни, пропагандистом передовых идей. Ради этого стоит жить...

Беседу вел
Б. МУЛЛОКАНДОВ.

кой-то мир превратится в зритель, увидеть себя его глазами. Но тогда со сцены исчезнет мой герой и останется просто актер Диордиев. Не хотел бы я быть на его месте в подобной ситуации... Конечно, могут возразить: интуиция, мастерство, опыт, наконец! Все это так, но я предпочитаю, чтобы обо мне судили другие.

Мы, актеры, с особым волнением прислушиваемся к оценке нашего творчества. Критика — это зеркало, в котором мы видим отражение актерских удач или промахов. Для меня, скажем, неважно: ругают или хвалят. Гораздо важнее — почему ругают, почему хвалят. Такая критика — верный помощник, искренний друг, которому веришь...

Каждая роль Диордиева, даже самая что ни на есть эпизодическая, становилась событием для нас, зрителей. Талантливый мастер перевоплощения, актер «не давил» своих героев грузом условностей и стандартов, никогда не принимал заранее поданных характеристик. Так рождался Булычов. Сколько споров, раздумий, сомнений, сколько усилий было потрачено на то, чтобы нащупать и показать внутреннее состояние человека, растоптанного неизлечимой болезнью, оказавшегося «не на той улице». Диордиев играл Булычова с сочувствием, не подсмеивался над его сумасбродством, он обнажал корни его падения, показывал трагедию умного человека, оторвавшегося от своего класса и не прикнувшего к новому, рожденному эпохой.

— Мне хотелось, — рассказывает Евгений Яковлевич, — чтобы в моем Булычове понастоящему проявилось чувство собственного достоинства, значимости. Над этим образом работали многие выдающиеся актеры. Конечно, легче всего ухватиться за готовое решение — болезнь, к сожалению, еще распространенная, да и соблазн велик: от неудачи, по крайней мере, будешь застрахован — но это ли главное для нас, актеров? Я шел своим путем — путем поисков, сомнений и разочарований.

— Евгений Яковлевич, было бы интересно узнать, как вы работаете над той или иной ролью, спектаклем!

— У каждого актера и режиссера, как правило, своя творческая кухня, своя, с годами выработанная методика работы, опыт, наконец. Правда, я меньше всего стараюсь исполнять этот, последний, компонент актерской сберкнижки. И далеко не случайно: опыт не-

В небольшой, по-домашнему уютной гримерной народного артиста СССР Е. Я. Диордиева тесновато. Евгений Яковлевич увлеченно рассказывает о себе, о театре, делится своими планами. С улыбкой вспоминает Евгений Яковлевич, как впервые, натянув на свою по-мальчишески угловатую фигуру раздобытый где-то фрак, вышел на сцену; как учитель математики, признанный всеми «сухарь», долго и взволнованно тряс ему руку; как в аттестате, в графе «к каким предметам проявил наибольшую склонность» со всей серьезностью было написано: к театру. Это, вероятно, и определило дальнейшую судьбу семнадцатилетнего выпускника одной из одесских школ. Театр буквально врывается в жизнь юноши.

Но одного «божьего дара» скоро оказалось недостаточным, и по совету Якова Варшавского (в те годы главного режиссера Одесского театра драмы) он поступил на актерский факультет. Лекции, книги, театр, репетиции — вот круг интересов молодого Диордиева. Но была еще одна страсть: исподволь, тайно от всех он работал над ролью Кудряша из «Грозы» Островского, не предполагая даже, что именно эта роль приведет его на большую сцену.

— Конечно, не все удалось, — вспоминает Евгений Яковлевич, — не хватало опыта, мастерства, уверенности в себе. И если сегодня, спустя сорок лет, я вспомнил о ней, то потому только, что она на всю жизнь связала меня с театром. С тех пор сыграно около двухсот ролей. Одни удавались, другие нет. Середины не было...

Обычно, после каждой моей крупной работы зрители делились на два лагеря. Одни восхищались ей, другие негодовали. Часто думаю: кто прав? И не нахожу ответа. Вероятно, и те, и другие. Во всяком случае, я с удовольствием спорю, пытаюсь понять, в чем моя ошибка, соглашусь, а бывает, и нет. Споры эти, как воздух, необходимы актеру. Они обогащают, дают пищу для размышлений, помогают проверить правильность выбранной позиции.

— А разве вы сами не чувствуете, удалась вам роль или нет!

— Как вам объяснить... Актеру, мне кажется, не дано знать, хорошо ли он играет, плохо ли. Говорю это не из ложной скромности: чтобы дать оценку собственному творчеству, я должен на ка-